

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Добрый день, господин Венцлова!

Это было несколько лет тому назад. Позвонили из Литмузея и пригласили на встречу с Томасом Венцловой. Как говорили когда-то: "Где именно, а где наводнение!" — то есть где Одесса, а где Томас Венцлова!.. Приглашение показало невероятным — уж не розыгрыш ли это?!

Но в такую жару?! Всё же мы отправились в Литературный музей.

Сразу признаюсь, что имя литовского поэта, давно живущего в Штатах, у меня вызывало, прежде всего, одну устойчивую ассоциацию — с "Литовским ноктюрном" Иосифа Бродского, посвященным Томасу Венцлове.

После первых представлений и приветствий Томас, признавшись, что он "малопродуктивный поэт", всего-то около двухсот стихотворений, начал читать стихи из книги "Граненый воздух", переведенной на русский язык Владимиром Гандельсманом. Первое стихотворение было им прочитано на литовском языке, чтобы слушатели хоть на короткое время погрузились в звучание его родного языка, а затем его перевод. (На вопрос, можно ли где-то приобрести эту книгу, последовал отрицательный ответ — книга вышла в Москве еще в 2002 году... Но есть же Интернет!) Вот это раннее стихотворение Томаса Венцловы, написанное еще в Литве.

Постой, постой. Во фразе пульса нет.
Границей крыш отчеркнутый восход.
Чуть молвит что-то снег — огонь в ответ.

Противовес по грунту чертит след
и замедляет маятника ход.
Постой, постой. Во фразе пульса нет.

Зеркальной пустотой на мир воспет —
в ней, отразясь, чертёж его плывёт.
Чуть молвит что-то снег — огонь в ответ...

После "Постой, постой..." последовали другие стихи, сопровождаемые автором необходимыми комментариями. Так, говоря о переводах на европейские языки, Томас признался, что о качестве переводов на знакомые языки он судить может, но вот каковы переводы на шведский, а тем более — на албанский или китайский... Кстати, о двух последних языках и странах.

Мы-то практически ничего не знаем о современной Албании. Томас рассказал, что там переводят все и всех (русскую литературу от Пушкина до Пелевина!). Перевели и его стихи. Более того, в городе Дуррес (древнегреческий Эпидамн) повесили на стене древнего амфитеатра мемориальную доску со стихами Томаса Венцловы. Поэт об этом рассказывал, улыбаясь, не скрывая своего удивления и удовольствия, что еще более расположило присутствующих к нему.

Упавший небосвод амфитеатра, плавно-скалистый полукруг речитатива, пауз — не так ли и актёр ведёт свой монолог?

Здесь Эпидамн стоял,
под солнцем дня расплавясь,
здесь, помнится, толпе подмигивал
из Плавта
какой-то приживал.
Сей бедный уголок земли!..

Не менее интересным был рассказ о встрече с китайским переводчиком. Судить о качестве перевода было уж совсем невозможно, но любопытно то, что, со слов жителя Поднебесной, в Китае давно начали переводить русскую литературу, Пушкина, и особенно полюбилась китайцам "Капитанская дочка", потому что, как сказал китайский переводчик, каждый китайский император, основатель новой династии — это Пугачев. Стихотворение Томаса Венцловы "Мандат неба" — именно об этом.

... "Средь прочих сюжетов северной, —
он продолжает, — страны
нам ближе всего, пожалуй,
сюжет "Капитанской дочки".
Звучит она в переводе как
"Чудо вознагражденной любви".
Все иначе вроде:
другой средой порожденный
словарь, офицерские звания иные,
но суть одна:
пурга. Сквозь пургу разбойник бредет,
под тулупом пряча секиру.
Зачатый грязью, он злобен. Потом война.
Ничто становится всем,
и бродяги толпой идут к столице.
Пожар. Смятенье. Гонг.
Живность всю перебьют.
И только юнца-поэта минут петля палачья.
Второе столетие длится
запечатлённое счастье:
юнца выручает девица,
повстанец разят на части...

Я привожу отрывки стихов, не полностью, чтобы не нарушить авторские права поэта и его переводчика.

Отзвучали стихи, Томас готов был выслушать вопросы и ответить на них, рассказать о своих встречах с писателями, в частности, с Анной Ахматовой. Он перевел ее стихи, и они были изданы в Литве. Привезя свои переводы на суд Анны Андреевны, которая литовского языка не знала, он столкнулся с ее вежливой недоверчивостью к его переводам. Но, на его счастье, переводы прочитал Вячеслав Всеволодович (Кома) Иванов, знаток многих языков, в том числе и литовского. Они ему понравились, и отношение Ахматовой к молодому человеку, дерзнувшему заставить ее стихи звучать по-литовски, изменилось. Именно Анна Ахматова познакомилась с Томасом Венцловым, Анатолием Найманом и другими "птенецями гнезда".

Кстати, признаюсь, было опасение, что встреча с поэтом Венцловой превратится в расспросы о поэте Бродском. Томас сам при-

знался, что для него две тяжелейшие утраты — Чеслав Милош и Иосиф Бродский. "Именно в такой последовательности, и, думаю, Иосиф бы со мной согласился", — сказал гость.

В поэтическое звучание вечера вплетались политические мотивы. На вопрос одного из присутствующих, кого из членов Украинской Хельсинкской группы знал бывший литовский диссидент (высланный из СССР в 1977 году после письма в ЦК о своей несовместимости с советской системой), Томас ответил кратко: "Я знал только генерала Григоренко". Другой же участник встречи, несколько возбужденный, все, как мне кажется, сначала не мог простить Бродскому Нобелевской премии, а потом и вовсе обрушился на гостя, как будто тот в его глазах перевоплотился одновременно в Билла Клинтона и Джорджа Буша — речь шла о Сербии.

С балтийской сдержанностью Венцлова, уж никак не повинный в судьбе Сербии, признался, что ему очень жаль, что судьба всей Югославии так ужасно закончилась, но он бывал и в Сербии, и в Хорватии и, очевидно, более объемно видит всю историю печальных событий на Балканском полуострове...

Поэта спрашивали о современной литовской литературе и об отношении к нему в нынешней Литве. Конечно, у него есть друзья в Литве, но многие писатели, пишущие на фольклорные "хуторянские" темы, не слишком его жалуют, не прощают ему его "космополитизм"...

Я спросила о его книге "Имена Вильнюса" (в Литве и у нас есть знакомые имена). Это книга, которая была написана как путеводитель по литовской столице, но после неодобрительного отзыва Сюзанны Зонтаг (еще один адресат посвященной Бродскому!) он переписал книгу. Теперь это сборник эссе, в ней шестьсот имен самых разных людей. Даже Геббельс там присутствует. Предваряя наше удивление, Венцлова сказал, что в Литве тоже есть неонацисты, и он хотел им напомнить, как пренебрежительно и униительно отзывался о литовцах Геббельс...

Поэт рассказывал о своей жизни в Москве в шестидесятые годы, где его первая жена в коммунальной квартире (в бывшем доме Шалаяпина — теперь там музей Шалаяпина) устраивала выставки художников-нонконформистов. Мой муж спросил, кого именно, и в ответ мы услышали имена знакомых московских художников.

А поездка в Одессу, может, и не была для поэта ностальгической, но воспоминательной — несомненно. Он впервые побывал в Одессе с отцом, известным литовским писателем Антанасом Венцловым, еще в 1953 году, в тот месяц, когда арестовывали Лаврентия Берия. Это он повторил несколько раз! Жили они в "Лондонской", которая тогда называлась официально "Одесса", но кто же из одесситов употреблял это название?!

Нынешние владельцы "Лондонской", если будете писать "Имена Лондонской", не забудьте Антанаса и Томаса Венцлов!

Потом еще один приезд в Одессу — в 1960 году.

Теперь же, читая курс русской поэзии в Йельском университете, профессор Венцлова непременно читает своим студентам одно из своих любимых стихотворений Иосифа Бродского "У памятника Пушкину в Одессе".

Но самым неожиданным и удивительным было признание поэта о родственной связи с Одессой!

Его дед по материнской линии Меркелис Рачкаускас (в русифицированном варианте — Мельхиор Рачковский) в конце XIX века уехал из Литвы в Санкт-Петербург, где поступил в университет. Потом он оставил Петербургский университет и поступил в Новороссийский (!). Изучал он классическую филологию и стал блестящим знатоком в этой возвышенной и благородной области культуры. Но вернуться в Литву не мог, оказывается, в Российской империи литовцы, получавшие высшее образование за пределами Литвы (не знаю, касалось ли это только территории Российской империи), с этим образованием вернуться домой не имели права. Исключение составляли только священнослужители. Так Мельхиор Рачковский — Меркелис Рачкаускас — остался в Одессе и, будучи блестяще образованным человеком, стал библиотекарем у Григория Маразли! Мать Томаса Элиза родилась в Одессе в 1913 году, ее сестра — художница Мария Цвирикене (возможно, жена Пятраса Цвирки, не догадалась спросить!) — родилась несколько позже Элизы, но в Болграде!

Ну что за город Одесса!

Так что нашим краеведам можно попытаться потянуть и эту литовскую нить одесской истории.

Когда я спрашивала о книге "Имена Вильнюса", я учтиво обратилась к высокому гостю:

— Понас Венцлова!
— Вы сказали ропас? — переспросил гость.
— Да, — призналась я.
— Вы говорите по-литовски?!

Да, — ответила я. — Я знаю еще по-литовски: Labadien Lietuva! (слово "Саудис", не желая вновь вызывать политические страсти, я обошла молчанием).

Профессор Венцлова рассмеялся и сказал: "Моя жена знает не намного больше слов. Литовский язык — трудный язык!"

Поэтому то, что в самом начале как заголовок я написала по-русски, мне хочется повторить на этом трудном литовском языке:

Labadien, ponas Venclova!

P. S. А клочок бумаги, на котором Томас Венцлова написал по-литовски имя и фамилию своего деду — Merkeliš Rachkauskas, я сохранила и положила в книгу, которую мой муж купил когда-то в Одессе:

Пильский Петр. Загуманившийся мир. Рига. Изд-во "Граматы Драугс". 1929 год. На книге печатка "Antano Venclovos knygos".

Иосиф БРОДСКИЙ

Литовский ноктюрн:
Томасу Венцлове (1974)

ФРАГМЕНТ

Взбаламутивший море
ветер рвется как ругань с расквашенных губ
в глубь холодной державы,
заурядное до-ре-
ми-фа- соль-ля-си-до извлекает из каменных труб.
Не-царевны-не-жабы
припадают к земле,
и сверкает звезды оловянная гривна.
И подбье лица
растекается в черном стекле,
как пощечина ливня.

II

Здравствуй, Томас. То — мой
призрак, бросивший тело в гостинице где-то
за морями, гребя
против северных туч, поспешает домой,
вырываясь из Нового Света,
и тревожит тебя.

III

Поздний вечер в Литве.
Из костелов бредут, хороня запятые
свечек в скобках ладоней. В продрогших дворах
куры роются клювами в жухлой дресве.

Над жнивьем Жемайтии
вьется снег, как небесных обитателей прах.
Из раскрытых дверей
пахнет рыбой. Малец полуголый
и старуха в платке загоняют корову в сарай.
Запоздалый еврей
по брусчатке местечка гремит балаголой,
вожжи рвет
и кричит залихватски: "Герай!"

IV

Извини за вторжение.
Сочти появление за
возвращение цитаты в ряды "Манифеста":
чуть картавей,
чуть выше октавой от странствий в дали.
Потому — не крестись,
не ломай в кулаке картуза:
сгину прежде, чем грянет с насеста
петушиное "пли".
Извини, что без спросу.
Не пятась от страха в чулан:
то, кордонов за счет, расширяет свой радиус брэнность.
Мстя, как камень колодцу кольцом грязевым,
над Балтийской волной
я жужжу, точно тот моноплан —

точно Дариус и Геренас,
но не так уязвим.

V

Поздний вечер в Империи,
в нищей провинции.
Вброд
перешедшее Неман еловое войско,
ощетинившись пиками, Ковно в патемки берет.
Багровеет известка
трехэтажных домов, и булыжник мерцает, как
пойманный лещ.
Вверх взвивается занавес в местном театре.
И выносят на улицу главную вещь,
разделенную на три
без остатка.
Сквозняк теребит бахрому
занавески из тюля. Звезда в захолюстье
светит ярче: как карта, упавшая в масть.
И впадает во тьму,
по стеклу барабана, руки твоей устье.
Больше некуда впасть.

VI

В полночь всякая речь
обретает ухватки слепца.
Так что даже "отчизна" на ощупь — как Леди Годива.
В паутине углов
микрофоны спецслужбы в квартире певца
пишут скрежет матраца и всплески мотива
общей песни без слов.
Здесь панует стыдливость. Листва, норюва
выбрать между своей лицевой стороной и изнанкой,
возмущает фонарь. Отменив рупора,
миру здесь о себе возвещают, на муравья
наступив ненароком, невнятной морзянкой
пульса, скрипом пера.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса"
(тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N 88.
Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел. 725-45-67,
725-53-68
www.odessitclub.org.